

1.

– Зои больше нет, – сказала бабушка.

Так я узнала, что Зоя была. А бабушка поджала губы и ушла, закрылась в спальне. И не затевала нашу с ней игру.

Правила были такие: бабушка перечисляла, что у нее есть: квартира, дача, машина, сервисы, драгоценности, а потом спрашивала, что из этого я хочу получить в наследство. Я отвечала:

– Ничего, главное – ты подольше живи.
– Все достанется тебе, – говорила тогда бабушка, доставала пакет с коробочками и разрешала мне играть с украшениями.

Я надевала на каждый палец по кольцо, навешивала все бусы, а серьги раскладывала на столе, потому что уши у меня еще проколоты не были.

– Только никому не рассказывай, что у тебя есть. Лучше всегда молчать.

Бабушка была очень осторожной. Она не разрешала разговаривать в подъезде. Свет вечером можно было включать только после того, как были задернуты шторы, чтобы никто не увидел квартиру. На даче нельзя было трогать посуду, пока ее не помогут взрослые, потому что по ней могли пробежать крысы. Папа был так строг только в поезде: к стенам, полу не прикасаться, руки часто мыть, чашки на столе не оставлять, других людей только слушать,

но ничего не говорить. Зато когда мы выходили из поезда, папа менялся. Он нагружал на себя сумки, рюкзаки и чемоданы и стремительным шагом проходил по перрону, пересекал маленький вокзал. Все это он делал с улыбкой. И тогда действовало только одно правило: не потеряться.

Мы выходили из вокзала на площадь, папа спрашивал:

– Узнаешь? – и шагал дальше, к дедушкиной машине.

Здесь иначе пахло и было жарко. Плескался фонтан, а ведь это не парк. Даже воздух казался мне другого цвета. У нас дома он как будто серый, а здесь все от него золотится. И есть самый яркий цвет в моей жизни – изумрудная дедушкина машина. Она гудит, ее брезентовая крыша трепещет на шоссе, и она едет быстрее любого автобуса. Мимо реки, полей, деревянных домиков, почти не видных сквозь зелень, и мимо труб. Трубы в бабушкином городе идут прямо над землей, они толстые, обмотаны чем-то серебристым и иногда искривляются буквой П над проезжей частью, а потом снова бегут над землей. Я спрашиваю папу, почему так, но он меня не слышит из-за мотора и только кричит:

– Скоро приедем! – И машина такая шумная, что как бы бабушка ни таилась, соседи знают, что к ней приехали сын и внучка.

Ее квартира просторная, аккуратная, у каждой вещи есть место, и все спрятано за дверцы шкафов

и стекло серванта. Мы своим приездом немного нарушаем этот порядок. Папа открывает сумки и распаковывает вещи. Он кладет стопки, пакетики на пол, а бабушка суетится, торопится их спрятать. Он достает коробки конфет, которые пациенты бесконечно дарят маме, лекарства для дедушки и бабушки и хлеб. Здесь нет черного хлеба, поэтому папа всегда привозит им несколько видов.

За ужином бабушка и дедушка едят его, смакуя, как пирожное. А я пью воду маленькими глотками. Она у них всегда теплая, хотя я поворачиваю холодный кран, когда наливаю, и сладкая на вкус. Я смотрю на заклеенные белой бумагой окна и жду, когда бабушка откроет варенье. А потом я иду к ней в комнату, где прохладнее всего, валяться на толстенном синем ковре, и предвкушаю, как мы поедим купаться. Взрослые говорят, что это не море, а река, но я им не верю. Там огромная вода, и однажды я видела вдалеке кита. Он был точно такой, как в книжке, а их у бабушки – целая стена в Витиной комнате, и каждое лето я ищу такие же, как у нас дома, и убеждаюсь, что новых не прибавилось. Пусть все так и остается, не хочу, чтобы здесь что-то менялось.

А потом внезапно, как это бывает только в детстве, я нашла в квартире еще одну комнату. В ней никто не жил. Маленькая, с неприкрытыми окнами, отчего и без того светлые обои и шифоньер выцвели. Пружинная высокая кровать с высоченным матрасом, в углу тюки с ненужной одеждой, теплые вещи, рюкзаки, корзины, куртки, сломанный пылесос. У окна стол, занятый шкатулками, книгами, «Зингером», стопками газет, а под столом созревают помидоры и груши. Весь пол заставлен банками с вареньем, кроме узкой тропинки от двери к кровати, и от духоты в комнате пахнет так, как будто варенье продолжает кипятироваться на плите, маня к себе пчел и сладкоежек.

Как я могла не замечать ее раньше – не знаю, но когда нашла, немедленно принялась исследовать ее. Никто не обратил внимания, что я там играю, что пытаюсь приоткрыть шкаф. Вскоре я зарылась в вещи поглубже и среди старых учебников нашла книжку о животных. У нее отрывался корешок, рисунок на обложке стерся. Страницы были темнее моих загорелых рук, трухлявые и мягкие. С черно-белыми картинками зверей.

Папа обрадовался при виде книжки. Открыл ее посередине и показал каляки-маляки красным карандашом.

– Это я в детстве нарисовал. – Он как будто гордился сотворенным.

Тут с работы пришел дедушка, прямо на пороге квартиры достал из кармана яблоко для меня. Мой папа протянул ему книжку:

– Смотри, пап. Ты помнишь ее?

– Конечно, Зоина любимая книжка, – ответил дедушка, открыл книгу, из нее выпала пара страниц. – Надо подклеить. Как же она тогда разбушевалась. Столько книг порвала, а эту начала, но не стала.

– Ты что-то путаешь, пап! Она не могла. Это, наверное, тоже я порвал.

– Ты маленький был, не помнишь. – Дед вернул мне книжку и ушел на кухню. Стоял там, смотрел в окно.

Я вернулась в комнату с книгой. Бабушка зашла позвать меня обедать (она никогда не кричала через всю квартиру и никому не разрешала). Увидела книжку, села на кровать и вдруг начала читать. А я слушала. На следующий день чтение повторилось. Я не задавала вопросов, потому что когда взрослые ведут себя странно, лучше молчать. Тем более мне нравилось, как читает бабушка. Совсем необычным своим голосом, за каждого персонажа она говорила по-разному, и с такими интонациями, что истории оживали.

И чтения повторялись и на следующее лето. Бабушка приходила в захлавленную комнату, брала книжку и читала. Иногда она ложилась на кровать, тогда я клала ей голову на живот. Она читала вслух про тигренка Ваську, а ее живот урчал мне прямо в ухо.

Книжка не покидала комнату. Я уже умела читать, но ждала бабушку. За годы я выучила текст наизусть, но все равно каждый раз надеялась, что тигренок Васька не умрет, его выпустят на волю и он будет счастлив. И каждый раз оплакивала его. Бабушка тоже плакала. Слезы и отпечатки мокрых пальцев въедались в странички и оставались на них новыми шрамами.

Как-то раз бабушка закончила читать историю. В комнате повисла тишина, как бывает в театре, когда последняя реплика прозвучала и вот-вот грянут аплодисменты. Но я все испортила и спросила:

– Кто такая Зоя?

– Зои нет. – Бабушка поднялась и ушла с книжкой в руках. И больше не читала.

После многое встало на свои места. Эта маленькая комнатка с хламом – Зоина. Эти кровать и стол – Зоины. Я рыла залежи и вытаскивала карандаши «Искусство», учебники по рисованию. Все находки я показывала папе и дедушке. И они подтверждали, что это все Зоино. Она любила рисовать, она даже участвовала в выставке, когда ей

Я в ужасе молчу. А бабушка звонит, ставит квартиру на охрану. Она одета в симпатичное платье из плотной ткани, приколотла брошку и побрызгалась духами, такими старыми, что они пахнут пудрой. Мы выходим, она закрывает замки, дергает двери. За это время я наконец могу выдать:

- Я сюда не перееду, я собираюсь в университет.
- Не шуми в подъезде, а то соседи услышат, что мы ушли.

Спускаемся молча. На улице среди стрекота кузнечиков бабушка продолжает:

- Продавать такую хорошую квартиру не дело. Ты переедешь сюда и будешь жить с нами. Здесь тоже есть университет, – говорит бабушка.

Она шагает по тропинке, по которой я не ходила. Я не могу идти рядом и плетусь сзади, но слышу, как бабушка снова перечисляет, что мне останется в наследство. Квартира, машина, толстый синий ковер.

- Вот была Танька в соседнем подъезде. Как ни встречу, она все ест карамельки из кулечка. Каждый раз! Она ничего своим внукам не оставила, все проела.

Эх, мне теперь так хочется карамелек, но я понимаю, что лучше не просить. С утра я уже бабушке рассказала про старый фильм, где собаку зовут Бетховен, она очень возмущалась, что кто-то так обидел композитора. Уподобиться сейчас Таньке с кулечком конфет будет еще хуже. Вечером звонит мама и обещает мне, что все это наследство получить совершенно необязательно.

- Купить тебе билет?
- Побуду еще. Дед обещал научить водить машину.

Он попытался. Оказалось, у автомобиля такой тяжелый руль, что мне его не повернуть. Мотор дважды заглох, а когда я смогла мягко отпустить сцепление и не дернуться вперед, то проехала пять минут и почти угодила в кювет. Думала, дед взорвется, что я бестолочь, но нет, мы поехали дальше на дачу. Сад такой же таинственный, как и в детстве. Дом теплый и прохладен. Над цветами летают мушки, под скамейкой растет Melissa, а на столах для сушки вялятся абрикосы, подобранные с мягкой земли. Теперь я смелее, не боюсь встретить крысу. Облазила все углы и ящики. И нашла сверток в пакете.

Мы перекусываем с дедом бутербродами с колбасой и пьем лимонад. Я смотрю картины из свертка. Дед говорит:

- Можешь забрать, а то они здесь попортятся. Только лучше, чтобы бабушка их не видела.

Мы идем на речку. Она лениво несет рыжеватые воды. Над ней мост, по нему мчат машины. Я никак

не могла видеть здесь кита, но меня это не разочаровывает.

Разбираю старые рисунки. Мягкая от времени бумага. Насколько белее она была сначала? Разводы от воды, сырости. Излохматившиеся края. И поднимающиеся облачка пыли. А на ней яркие краски: красное пятно флага на демонстрации, горящая вывеска «Молоко» в фиолетово-чернильной ночи, желтая бочка с квасом летним днем. Некоторые рисунки повторяются: проба краски, кисти, разные ракурсы. На обороте наброски карандашом. Я узнаю Зоину комнату, кровать, только на картинке нет хлама. Вижу бабушкину любимую вазу и сахарницу, слепленную из керамических орешков. На обратной стороне либо еще рисунок, либо черновик, в одном месте – Зоин автопортрет: короткие волосы, очки. Кошка в карандашных набросках то тянет лапу, то лежит очаровательным клубком, и я невольно глажу штрих карандаша по мягкой бумаге, как будто кошка живая.

Есть рисунки, где только зеленое и фиолетовое. Они не закончены, не аккуратны, осталась клякса от брошенной кисти. Вот черно-белая: отражение в зеркале, девочка сидит в кресле, а позади люди в белых халатах. Наверное, это парикмахерская. А вот сугробы и люди в шубах. Тот же магазин с вывеской «Молоко», но посреди снега. Группка мальчишек с клюшками, у всех румяные щечки. Много картинок с дождем, и у меня за окном тоже льет. Этим летом яркое солнце выключается. Дедушка исчезает в гараже, у бабушки болит голова и она ненадолго выходит из спальни, чтобы проверить, что я не включаю лишний свет.

Когда мне надоедает читать, я иду рыться в вещах, надеясь найти что-то Зоино. Или еще одну банку абрикосового варенья. Я съедаю примерно одну в день, и это единственное, что в моих привычках бабушку не задевает. Ей не нравится, что я чищу зубы пастой, а не порошком. Я нашла на антресолях три картонные коробки нового мыла. Но бабушка все равно требует его экономить. Я молча слушаю ее ворчание.

Она снова предлагает мне тот суп с пельменями, он простоял в холодильнике еще неделю. И я впервые в жизни решаю что-то приготовить сама. В муке и во всех крупах ползают жучки. На мои вопли ужаса бабушка говорит, что надо лишь просеять, и будет чисто. И я слушаюсь. Валяю, стараясь не испачкать пальцы, в этой сероватой муке кабачки, жарю. Дед ест их с таким аппетитом и нахваливает. А я не могу. Сажу напротив него, катаю по столу абрикосины. И говорю дедушке, что если он купит муки, то

я поджарю еще. Вечером мы втроем сидим за столом и едим то, что я приготовила. Бабушка хвалит.

Я от скуки и тайком выбрасываю все продукты, им лет по десять. Перебиваю сковородки, выливаю суп. Я нахожу конфеты, которые папа привозил. Сначала радуюсь, но они старые, сухие, их я тоже выбрасываю. Даже нашла остатки хлеба. Хочу выбросить и старый календарь, что висит на кухне рядом с холодильником. Он 1989 года. Листаю, в нем иногда отмечены дни рождения. Мой, родителей, какие-то еще даты, телефоны из шести цифр. И карандашом, почти незаметно, в середине июля написано: Зоя. День рождения у нее не летом.

Я запихнула рисунки поглубже в шифоньер и попросила у мамы обратный билет. Когда я собирала вещи, бабушка сидела рядом и раз за разом повторяла, что мне не надо уезжать, что она скоро умрет и оставит это все мне. Я плохо понимала в пятнадцать лет, чего я хочу, но я знала: никогда ни за что я не захочу здесь остаться. Поезд ехал мимо Родины Матери, которую строил дедушка, и я поняла, что она единственная, что в этом городе с детства не уменьшилось. Она, наоборот, как будто выросла, но стала страшнее, безумнее.

Мои соседки по купе мило болтали, задавали мне вопросы, и я им отвечала. Я слушала их истории про непутевых детей, несвоевременных внуков, сбежавших мужей и хотела тоже что-нибудь рассказать, но слова не шли. Когда все в купе укладывались спать, я вспомнила бабушкины наставления: никому не рассказывать, где я живу, сумку класть под голову.

«Нет среди моих вещей такого, чтобы так за них трястись», – подумала я. И пожалела, что не забрала рисунки.

3.

Они вернулись ко мне пятнадцать лет спустя. Все так же свернутые и перевязанные широким шпагатом, который мой дедушка использовал для всего. Он их хранил все это время: перевез из Волжского в Петербург, из квартиры, где жил какое-то время с моими родителями, в свою отдельную.

Я и папа разворачивали картины из свертка, разглаживали их. Показывали друг другу какие-то детали и дошли до Зоино портрета: недлинные волосы, крупные черты лица и очки в толстой темной оправе. Дразнили ли ее в школе за них? Я невольно поправила свои очки, а папа вслед за мной – свои. И сказал: – Я плохо ее знал. Она была старше меня на восемь лет, так что мы почти не общались, но она никогда меня не обижала. Любила наших кошек.

- А что помнишь о ней?
- Тихая была, редко разговаривала. Ни с кем не дружила. Либо читала, либо рисовала.
- Какие у нее были отношения с родителями?
- Они поженились, когда она была маленькой, и отец всегда называл ее дочерью. Он плакал, когда ее первый раз увезли.
- Но фамилию она носила не его?
- Были какие-то сложности. Зоин отец исчез из их жизни еще до ее рождения. Потом как-то раз появился, как я потом понял, пьяный, требовал деньги, угрожал. Дедушка его припугнул и прогнал.
- А бабушка любила Зою?
- Конечно, любила, все родители любят своих детей. – Папа включил особый объяснительный тон. Вздохнул: – Но, думаю, ей с Зоей было тяжело. Зоя сама пошла в художественную школу и никому не сказала. Когда позже у нее была выставка, твоя бабушка об этом узнала случайно, от знакомых.
- И родителей это не беспокоило? Им не казалось, что здесь что-то не так?
- Они много работали. Мама руководила школой, отец участвовал во всех стройках: ГЭС, Родина-мать, а после работы строил дачу, выращивал сад. Окончил вечернюю школу. Они были заняты. – Папа пожал плечами и сложил руки на груди.
- А как узнали? Как она оказалась в больнице?
- Случился приступ. – Папа замолчал.
- Как, папа? В чем он заключался? Почему случился? Я не понимаю.
- Не знаю! Меня там не было. Вроде она кричала и угрожала. Соседи слышали крики и позвали помощь.
- Сколько ей было?
- Шестнадцать, это было вскоре после выставки. Ее так хвалили! Знаешь, это она собрала все книги, что были у бабушки. Она ходила в книжный, выбирала там книги, и у нее оказался отличный вкус. Она заказывала книги, продавщица отдавала их ей, а бабушка потом заходила оплачивать. Всем было удобно.
- Странно все это было, а не удобно. Разве нет, папа?
- Тогда никто ничего не знал. Об этом не принято было говорить. Зоя училась в школе не очень хорошо, но на это закрывали глаза, потому что она явно была одарена в другом.
- А до приступа больше ничего подозрительного не было?
- Нет. Точнее, было. С Зоей случилось плохое. Как-то она не вернулась домой, отец и мать

беспокоились, искали ее, а когда она пришла, то была вся грязная, в крови, в разодранной одежде, плакала. Вскоре и был первый приступ. Если б не случилось плохое, то, может...

Мы помолчали.

- А потом?
- Она вернулась, какое-то время все было хорошо. Но тогда не было толком лекарств, психологов. Об эпизоде постарались забыть, но Зоя начала исчезать. Уходила, потом не могла вспомнить, где была. Потом опять вспышка агрессии.
- И ее забирали в больницу?
- К двадцати годам стало понятно, что Зоя опасна и для себя, и для окружающих.
- А умерла она в тридцать девять. Все это время она прожила там?
- Да. Мы навестили ее с отцом последний раз года за два до. Но больница была далеко. Зоя не узнавала нас, не реагировала. Умерла от токсического гепатита.
- Она рисовала?
- Нет, не рисовала.

Я разозлилась и, чтобы отвлечься, продолжила разглаживать картины и складывать их в папку. Почему же все получилось так? Человек не должен половину своей жизни провести взаперти! Это несправедливо. Я всматривалась в уже знакомые мне рисунки. Виды из окна, иногда зеленые с каплей желтого поля и тянущиеся над ними линии провода, лодочки, скамейка в парке, одинокая фигура идет к арке по снегу в зелено-синих бликах. Зоя мало рисовала людей, а если изображала, то со спины, скорее, фигуры, чем лицо. Я достала из стопки ее автопортрет, чтобы рассмотреть получше. Вообще, их там было два. Первый – набросок карандашом. Зоя слишком честно расписала себе мешки под глазами, от этого она получилась грустной, уставшей. А на втором, черной акварелью, – полуулыбка, ясный прямой взгляд. Краска смягчила линии, и Зоя кажется милой. Показала папе:

- Мы не должны ее больше забывать.

Он кивнул. В итоге он забрал себе пару натюрмортов с цветами повесить на стену. А мне достались остальные, и несколько вечеров я пересматривала их и фотографировала. Я хотела узнать больше, но увы. Так жаль, что она не подписывала даты, места. Три записи на сотню рисунков: инициалы, надпись «повторить» и конспект.

Инициалы У.Н. под портретом в три четверти молодого человека. На папу не похож. Я искала, может быть, это актер или певец того времени. Нашла только одного: смутно похожего Уилдуса. Цита-

ты гугл тоже подсказал не все. Одна про художника Иванова: «Мало таланта, ума, образования и развития, мало счастливых материальных условий – нужен *темперамент*, чтобы человек по натуре своей ничего не любил больше искусства, чтобы ни одно увлечение не перетянуло его в сторону». Зою перетянуло не увлечение.

Другая цитата была про детство Серова: «Мольберты, кисти, альбомы входили в обычную нашу обстановку. Рисовали на вольном воздухе, в комнатах, даже на кухне – и всегда всерьез, с требованием истинного искусства». Думаю, таким бы и был Зоин дом.

Я перебрала в гугле все фамилии, улицы, школы, что мне сообщил папа, весь поиск по картинкам, но не нашла никаких архивов, записей, выписок. Поисковая машина отчаялась удовлетворить мой запрос и выдала: «Имя Зоя значит “жизнь”». Немного не тот ответ, который я бы хотела получить. Совсем не то наследство, что обещала бабушка. Не та жизнь, которую желала бы Зоя, но пусть она еще поживет в своих рисунках и этом рассказе.

